

О.Д.Васюков

НОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА ИЛИ НЕПРИЗНАННЫЕ НАРОДЫ? Опыт Центральной и Восточной Европы

Олександр Дмитрович Васюков — аспирант Аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). Для связи с автором: avasyukov@hse.ru.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования этнополитических процессов, развертывающихся в Центральной и Восточной Европе, на примере трех наиболее крупных локальных сообществ, добивающихся признания в качестве этнических или национальных меньшинств, — русинов, кашубов и силезцев. Рассмотрев смысловую нагрузку термина «субэтнос» и его эквивалентов, утвердившихся в странах ЦВЕ, О.Васюков описывает правовое положение указанных сообществ и подробно анализирует продуцируемый ими дискурс, нацеленный на закрепление за ними статуса отдельных народов, и используемые для решения этой задачи стратегии, главной из которых выступает языковое строительство.

Проведенное исследование показывает, что сформированный в рамках академической науки концепт субэтнуса / этнографической группы активно задействовался для оспаривания претензий этнических сообществ на признание. Определение подобных сообществ как субэтносов следует квалифицировать как осознанную стратегию, направленную на символическую гомогенизацию этнической картины соответствующей страны и упрощение политического процесса путем исключения из него акторов, претендующих на представление данных групп. Однако с крушением в регионе недемократических режимов идеал этнической гомогенности как основы стабильности национального государства обнаружил свою нежизнеспособность. За последние десятилетия в регионе возник целый ряд организаций, борющихся за повышение социального и юридического статуса своих групп. В настоящее время взаимодействие между выступающими от имени этих групп активистами и государством во многом представляет собой торг, где первые решают, какие стратегии помогут им максимально быстро и полно достичь своих целей, а второе взвешивает, на какие уступки можно пойти, чтобы сохранить целостность и интегрированность государствообразующих наций.

Ключевые слова: субэтнос, этнографическая группа, этническое (национальное) меньшинство, Центральная и Восточная Европа, этническая идентичность

Введение

С момента обретения независимости все государства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) позиционировали себя как национальные, а некоторые — и как этнически гомогенные. Так, власти Польской Народной Республики утверждали, что вследствие кардинальных демографических изменений, сопутствовавших Второй мировой войне и послевоенному урегулированию (потеря восточных кресов, геноцид евреев, депортация немцев, политика реполонизации), в стране полностью решен национальный вопрос. В период с 1946 по 1988 г. в польских переписях населения даже отсутствовал вопрос об этнической принадлежности. Однако в последние десятилетия в регионе наблюдается мобилизация субэтнических групп, которые все последовательнее заявляют о своей альтернативной (непольской, неукраинской, нечешской и т.д.) идентичности, причем численность таких групп неуклонно растет. Рассматривавшиеся на протяжении большей части своей истории как этнографические вариации титульных народов, эти группы сегодня декларируют свою этническую (национальную) особость, добиваясь пересмотра традиционных моделей регулирования межэтнических отношений и законодательного признания в качестве меньшинств.

Тенденции альтернативного этнонационального строительства вступают в противоречие не только с политикой национальной интеграции, проводимой государствами ЦВЕ, но и со сложившимся в регионе отношением к «национализму меньшинств», характерным как для власти, так и для общества. Как отмечает канадский политолог Уилл Кимлика, на уровне массового сознания претензии на культурную и этническую специфику воспринимаются там как проявление нелояльности к государству в целом, а создание территориальных автономий этнических меньшинств — как несовместимое с идеей стабильного и сильного государства¹. При этом активизация субэтнических движений продолжает маркироваться центральными властями как инспирированный извне политический проект, чреватый сецессией. Негативную оценку подобных движений разделяют и многие политические партии. Для их дискредитации используются в том числе научные заключения, призванные продемонстрировать необоснованность выдвигаемых субэтническими активистами требований.

Некоторые авторы квалифицируют происходящее в ЦВЕ как этническую дезинтеграцию, обусловленную эмансипацией сообществ, долгое время подвергавшихся репрессиям и лишенных признания². Другие пишут о смене традиционных моделей этноидентификации и росте популярности альтернативных групповых идентичностей как частном проявлении политической оппозиционности, ставшей возможной благодаря либерализации политических режимов и интеграции в ЕС³. В любом случае очевидно, что утвердившиеся в регионе паттерны этнонациональной идентичности испытывают серьезные вызовы, связанные с активизацией меньшинств и пересмотром системы традиционных академических и административных предписаний в сфере этнического структурирования.

¹ См. Кимлика 2000.

² См., напр. Куриний 2012.

³ См., напр. Муśliwiec 2013.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать разворачивающиеся в ЦВЕ процессы на примере трех наиболее крупных локальных сообществ, добивающихся признания в качестве этнических или национальных меньшинств, — русинов, кашубов и силезцев.

Концептуализация понятия «субэтнос»

⁴ См. определение этноса у Фредрика Барта: «этнос — форма социальной организации, основанная на процессе постоянной самоидентификации и категоризации другими» (Барт (ред.) 2000: 18).

⁵ Тишков и Кисриев 2007: 96.

⁶ См., напр. Бромлей 1972, 1981, 1983, 1987; Крюков 1976.

⁷ Бромлей 1972: 61.

⁸ Бромлей 1981.

⁹ Бромлей 1983.

¹⁰ См. Бромлей 1972.

¹¹ В частности, так иногда описывают формирование окситанского культурно-языкового меньшинства на юге Франции, а также татарской субэтнической группы мишарей (см. Тиводар 2004).

¹² Тишков 1999: 899.

В современной западной науке, испытавшей сильное влияние постмодернистских концепций этничности с их акцентом на субъективных аспектах этнической принадлежности⁴, не принято проводить различия между этническими общностями разного уровня. Представление о многоступенчатой, иерархической структуре этноса, включающего в себя отдельные составные части, характерно в первую очередь для примордиалистских теорий⁵.

Разработкой этнической таксономии активно занималась советская этнологическая школа⁶, многие понятия которой по сей день широко используются в научном дискурсе (прежде всего постсоветских государств, но и стран бывшего социалистического лагеря, включая страны ЦВЕ, тоже). К их числу относится и понятие «субэтнос», введенное в научный оборот с целью описания сложной природы этноса и используемое для обозначения этнического таксона рангом ниже, чем этнос. При этом под субэтносом понимается компактно проживающая общность людей, являющихся органической частью некоего этноса, но обладающих групповыми культурными особенностями и осознающих свое отличие от остальных.

Одним из родоначальников этнической таксономии являлся известный советский этнолог Юлиан Бромлей. Первоначально он выделял три уровня этнической иерархии: 1) макроэтнические единицы, охватывающие несколько близкородственных этносов; 2) основные этнические подразделения (собственно этносы); 3) микроэтнические единицы (индивид, семья)⁷, однако позднее ввел в свою классификацию субэтносы как составные части этноса, занимающие промежуточное положение между основными и микроэтническими подразделениями⁸, а затем стал рассматривать их в качестве одного из последовательных таксономических уровней этноса⁹.

Среди возможных причин появления субэтносов упоминаются территориальное и политическое обособление части этноса, остатки прежнего родоплеменного деления, конфессиональные различия, проживание в зоне постоянного культурного контакта нескольких этносов¹⁰. Высказываются предположения, что некоторые субэтносы являются рудиментами некогда самостоятельных этносов, ассимилированных другими¹¹.

Несмотря на то что термин «субэтнос» используется уже довольно давно, его значение остается довольно размытым. Как отмечает известный российский этнолог Валерий Тишков, «критерии выделения субэтнических групп зависят от исторических, политических условий, а также научных подходов»¹². Одно из наиболее полных определений

субэтнуса дано в энциклопедическом издании «Народы России»: «Субэтническая группа — общность людей, составляющая часть этноса, которая занимает компактную территорию, обладает культурной и языковой спецификой и проявляет в силу этого элементы общего этнического самосознания. Субэтнические группы образуются вследствие неполной консолидации этноса, сепарации или миграции части этноса, специфического социального статуса. В ходе консолидации этноса субэтнические группы могут утратить свое самосознание, то есть превратиться в этнографическую группу и в дальнейшем исчезнуть, либо обособиться в самостоятельный этнос»¹³. Данная дефиниция охватывает ряд ключевых аспектов, касающихся природы субэтнуса. Во-первых, это территориальная привязка — субэтнические группы обычно отождествляются с конкретными регионами проживания, ограниченными переходными зонами этнокультурной неопределенности. Во-вторых, отчетливое осознание своего культурного и языкового отличия от этнического большинства (что выражается в наличии собственного локального этнонима).

В целом вопрос о внутреннем структурировании этноса как научная проблема не исчерпан. Однако очевидно, что известная гетерогенность этнического сообщества неизбежна и его абсолютная интеграция есть не более чем утопия.

¹³ Тишков (ред.) 1994: 461.

**Трактовки
субэтнических
групп
в странах ЦВЕ**

Хотя в научном дискурсе стран ЦВЕ термин «субэтнос» тоже присутствует, при описании этнической иерархии доминирующим является понятие «этнографическая группа», которое примерно соответствует понятию субэтнуса в отечественной традиции. Именно так трактует этнографическую группу (ЭГ) польский этнолог Януш Камоцкий¹⁴.

Вместе с тем в польской научной литературе существует множество трактовок данного понятия. Так, Каролина Радловска выделяет три научных подхода к определению ЭГ¹⁵. Первый восходит к исследованиям Яна Быстро́ня, связывавшего ЭГ с наличием объективных культурных черт (общность языка, религии, обычаев)¹⁶. Сторонники второго, у истоков которого стоял Юзеф Обрембский¹⁷, делают упор на осознании членами ЭГ своей культурной специфики. Промежуточную позицию занимает этнографическая школа Романа Рейнфусса, определявшего ЭГ как сообщество людей, проживающих на конкретной территории, отличающихся от соседей некими культурными чертами и обладающих чувством групповой принадлежности, опирающимся на осознание собственной культурной особенности¹⁸.

В научной литературе межвоенного периода понятия «этнографическая» и «этническая группа» часто использовались как синонимы¹⁹. Однако большинство современных авторов, оперирующих термином «этнографическая группа», исходят из того, что подобное сообщество является составной частью некоего большого этноса, формируя палитру его разнообразия.

¹⁴ Kamocki 1992: 103.

¹⁵ Radłowska 2014: 156.

¹⁶ Bystron 1925.

¹⁷ Obrębski 1936.

¹⁸ Reinfuss 1946.

¹⁹ См. Jasiewicz 1980.

В польской научной школе разработана довольно подробная классификация представленных в стране этнических и этнографических групп, к числу которых обычно относят малополян, великополян, мазовшан, гуралей, мазуров, поморов, словинцев и др. Уже первое поколение систематизаторов (Адам Фишер, Ян Быстронь, Станислав Понятовский), стремясь вписать кашубов и силезцев в общие классификационные рамки, указывали на их максимальную специфичность и культурную отдаленность от других групп. Хотя некоторые авторы предлагали рассматривать кашубов как отдельный западнославянский народ со своей культурой²⁰, эта позиция не пользовалась популярностью в польском научном мире. Скажем, Камоцкий, признавая сохранение в среде кашубов и силезцев специфических культурных черт и ощущения собственной национальной особенности, объяснял это тем, что на протяжении долгого времени в регионе отсутствовал скольконибудь значительный слой интеллигенции, которая бы могла выступить проводником общепольских идей²¹. Подвергаясь мощному ассимиляционному влиянию со стороны немцев, кашубы и силезцы были вынуждены сочетать в себе несколько идентичностей.

²⁰ *Lorenz 1934.*

²¹ *Kamocki 1992: 113.*

NB! Сходным образом в академических кругах современной Украины принято описывать русинов как субэтническую группу украинцев²². Несмотря на то что еще с конца 1980-х годов словацкие этнографы стали проводить различия между русинами и украинцами²³, их украинские коллеги по-прежнему разделяют точку зрения исследователей XIX в., видевших в русинах не более чем носителей региональной версии украинской культуры²⁴. Так оценивает русинов, в частности, один из ведущих украинских этнологов Михайло Тыводар. Под субэтносом он понимает языковые, религиозные и иные сообщества, внутри которых при сохранении общеэтнического самосознания в силу внутреннего саморазвития сложились определенные культурно-бытовые особенности и субэтническая идентичность. При этом Тыводар не отрицает, что на базе субэтнуса со временем может сформироваться самостоятельный народ²⁵.

²² *Дністрянський 2008.*

²³ *Švecová 1991: 132.*

²⁴ *Лісова 2012.*

²⁵ *Тыводар 2004: 141.*

Следует отметить, что в политическом дискурсе государств ЦВЕ концепция субэтнуса / этнографической группы нередко используется для оспаривания претензий соответствующих сообществ на признание. Если мы посмотрим, например, на многочисленные экспертные заключения в связи с обсуждением вопроса о придании силезскому языку в Польше статуса регионального, то обнаружим, что, ссылаясь на культурную близость силезцев к полякам, большинство специалистов доказывало, что они представляют собой не этническое меньшинство, а лишь этнографическую группу и их язык должен квалифицироваться как диалект.

Несомненно, что крах коммунизма послужил мощным импульсом к новому прочтению рядом локальных сообществ собственной этничности, активизации субэтнических движений и изменению позиции

в отношении них со стороны государства. Образовавшаяся идеологическая лакуна довольно быстро стала заполняться идеями периферийного национализма. При этом оказалась поколеблена и насаждавшаяся ранее унитарная модель этнической политики, строившаяся на представлении о практической решенности в государствах ЦВЕ «национального вопроса». В рамках коммунистических режимов различные субэтнические и этнографические группы директивно приписывались к титульному большинству и любые попытки альтернативного национального строительства жестко пресекались. Другими словами, субэтническим группам было отказано в праве выступать в качестве центров этнической/национальной консолидации, они подверглись целенаправленной интеграции, в том числе в форме культурно-языковой ассимиляции. Традиционные локальные культуры маркировались как непрестижные, что способствовало их маргинализации и вытеснению в сферу исключительно домашнего употребления. Иллюстрацией может служить политика реполонизации в отношении кашубов и силезцев в ПНР и украинизация русин в Северо-Восточной Словакии. По воспоминаниям очевидцев, детям в школах Силезии запрещали говорить на родном языке, стараясь привить им литературный польский. Для них были разработаны специальные учебники, нацеленные на утверждение в регионе этноцентричной (польской) ориентации²⁶.

²⁶ *Myśliwiec 2013: 108.*

Процессы демократизации наложили свой отпечаток на дискуссии о статусе не только традиционно признаваемых государствами ЦВЕ этнических меньшинств, но и ряда субэтнических групп, ранее лишенных такого признания, в том числе кашубов, силезцев и русинов.

Законодательное признание

Проблема корректной интерпретации кашубов, русинов и силезцев в политическом дискурсе ЦВЕ встала с новой силой в конце 1990-х годов в связи с подготовкой и принятием национальных законов о статусе этнических меньшинств. Для данного периода был характерен полный терминологический хаос, когда подобного рода сообщества могли описываться как этнографические группы, субэтносы, этнические меньшинства или даже как народы, национальности²⁷. При этом ни в одном государстве региона термин «субэтническая группа» не является в настоящее время правовой категорией. В большинстве из них выделяются исключительно национальные меньшинства. В некоторых проводится различие между национальными и этническими группами. Так обстоит дело, в частности, в Польше, где в основном законе в сфере регулирования межэтнических отношений (2005) речь идет именно о национальных и этнических меньшинствах. Обе категории там описаны как обладающие культурной и языковой спецификой, а также групповой идентичностью и стремящиеся к сохранению своего традиционного наследия. Единственное различие заключается в том, что принадлежность к национальному меньшинству предполагает наличие соответствующей нации за пределами страны. Как следствие, чтобы обрести законодательное

²⁷ *Szymikowski 2008.*

признание, этнографические (субэтнические) сообщества первоначально должны добиться статуса этнического меньшинства. Русинам (лемкам) это удалось, и впервые в новейшей истории Польши они получили законодательное определение в качестве самостоятельного этноса, отличного от украинцев. Кашубы и силезцы в перечень упомянутых в законе 2005 г. этнических меньшинств не вошли. Вместе с тем в соответствии с этим законом кашубский язык получил статус регионального, став первым (и пока единственным) региональным языком в Польше.

В качестве этнического (национального) меньшинства русины признаны также в Чехии, Сербии и Словакии. В словацком законе «Об употреблении языков национальных меньшинств» (1999) они включены в список девяти национальных меньшинств страны (наряду с украинцами), а их язык — в число языков национальных меньшинств. Согласно закону, подобные языки могут использоваться в административной сфере в тех населенных пунктах, где доля их носителей не ниже 20%. По подсчетам Олексия Куринного (основанным на результатах переписи 2011 г.), в случае русинов этим условиям удовлетворяют 102 поселения, причем в 20 из них русины составляют большинство²⁸.

²⁸ Куринний 2012: 5.

NB! В целом русины и русинский язык получили законодательное признание в восьми европейских государствах. К их числу не относится Украина, так как 28 февраля 2018 г. Конституционный суд страны объявил не соответствующим Конституции принятый в 2012 г. закон «Об основах государственной языковой политики», где шла речь в том числе и о русинском языке, и приостановил его действие.

От субэтносов к непризнанным народам?

С принятием законов, регулирующих статус меньшинств в государствах ЦВЕ, можно говорить об утверждении неких объективных критериев, которым должно соответствовать сообщество, чтобы быть признанным в качестве этнического или национального меньшинства. Прежде всего речь идет о языке. И здесь неизбежно встает вопрос, являются ли наречия, на которых говорят субэтносы, отдельными языками или диалектами.

Споры по этому поводу стимулируют работу по кодификации данных наречий, преобразованию их в литературную норму, что позволило бы в будущем признать их полноценными языками. Для этого пишутся грамматики и словари, создаются первые литературные произведения. Все это призвано подчеркнуть специфичность наречия, его право на статус отдельного языка. Логика сторонников такого рода деятельности состоит в том, что наличие отдельного языка автоматически означает и наличие отдельного народа — его носителя. В свою очередь ее критики обычно указывают относительно небольшую лингвистическую разницу между общенациональным литературным языком и стремящимся к эмансипации наречием. Однако подобные соображения мало влияют

на энтузиазм лингвистических активистов. Как подчеркивает чешский лингвист Владислав Кнолл, степень языковой близости или отдаленности не играет в этих процессах решающей роли — гораздо важнее субъективное желание символически выделить собственное сообщество, зафиксировать отличие своей культуры от культуры доминирующего большинства²⁹. На основе изучения языкового строительства в различных субэтнических группах он приходит к заключению, что стремление к языковой эмансипации зависит от толерантности общества к локальным версиям и диалектам национального языка и в регионах с длительной традицией языкового централизма (к каковым, с небольшими исключениями, относится и славянский мир) оно, как правило, выражено сильнее.

²⁹ Кнолл 2017: 18.

Следует отметить, что «языковой менеджмент» является одним из ключевых элементов национального строительства в субэтнических группах. Именно языковая специфика и лингвистическая идентичность выступают важнейшими аргументами в дискуссии о признании таких групп отдельными народами и внесении их в список этнических/национальных меньшинств. В частности, языковой активизм был осознанно выбран в качестве стратегии силезскими борцами за придание их субэтносу статуса этнического меньшинства³⁰. По их мнению, официальное признание существования самостоятельного силезского языка и его литературная кодификация могут стать первым шагом на этом пути.

³⁰ Kamusella 2016.

Как показывает практика, субэтнические движения тесно связаны с региональными автономистскими движениями. С начала 1990-х годов в странах ЦВЕ стали возникать различного рода организации и партии (например, Moravane в Чехии, RAS в Польше), призывающие к восстановлению автономий. Именно эти силы громче всех требуют фиксации «новых» этнических групп, видя в институте региональной автономии единственный эффективный механизм защиты их культурных прав. Однако в глазах значительной части населения ЦВЕ политическая автономия отдельных регионов прочно ассоциируется с сепаратизмом. Страх перед перспективой сецессий отражается на общем отношении к субэтническим движениям, любая активность которых воспринимается как потенциальная угроза стабильности и проявление нелояльности к государству. Настороженность вызывают даже те субэтнические движения, где идеи региональной автономии занимают очевидно маргинальное положение. Как следствие, лидерам этих движений приходится уделять особое внимание опровержению подозрений в сепаратизме. Однако их заверения имеют ограниченный эффект, хотя временами и приносят свои плоды, позволяя добиваться определенного закрепления языковых прав, увеличения финансирования культурной жизни и т.д.

Почему же рассматриваемые нами группы оказались в свое время низведены до положения субэтносов и не смогли избежать наделения соответствующим статусом? Или, если сформулировать этот вопрос несколько по-иному, почему национальные движения среди этих групп (которые, несомненно, были) не увенчались успехом и, в отличие

других национальных движений в регионе, не привели к формированию полноценных наций? Вероятно, такое развитие событий объяснялось сочетанием ряда факторов. Прежде всего речь идет о низком уровне урбанизации и индустриализации территорий проживания большинства групп, которые позже стали именоваться субэтносами (что, в частности, отразилось на числе национальных агитаторов, оказавшемся критически малым). Свою роль сыграли также значительные миграционные волны, коренным образом менявшие этнический баланс в регионах. Нельзя забывать и о трансграничности этих регионов, где долгое время пересекалось и конкурировало несколько проектов национальной идентичности, а также об относительной культурной близости населявших их этносов. Наконец, порой наблюдалась и сознательная ориентация элиты сообщества на интеграцию с этническим большинством (как в случае кашубов).

Позиция активистов

Политические и интеллектуальные элиты, претендующие на представительство интересов субэтнических групп, прилагают все усилия для выработки контрдискурса, который бы позволил им занять прочные позиции в полемике с государством. При этом отсутствие единства среди этих элит нередко приводит к появлению нескольких конкурирующих контрдискурсов.

Так, в современном русинском движении можно выделить как минимум три идеологических течения. Сторонники первого подчеркивают тесную связь между русинской и украинской культурой и ориентируются на украинское государство, являясь носителями двойственной русинско-украинской идентичности. Приверженцы второго рассматривают русинов как особый восточнославянский народ, который должен получить законодательное признание во всех государствах проживания. Именно такой точки зрения придерживается Всемирный совет русинов. Между этими идеологическими течениями идет ожесточенная борьба, нашедшая институциональное выражение в существовании в ряде стран региона отдельных прорусинских и проукраинских организаций, активно критикующих друг друга. Третье течение, считающее русинов частью единого русского народа (в широкой его трактовке), занимает сегодня маргинальное положение. В целом отмеченное деление отражает раскол русинского сообщества, произошедший еще в начале XX в.³¹

³¹ Шевченко 2003.

Вместе с тем результаты последних переписей в некоторых странах ЦВЕ отчетливо демонстрируют, что деятельность прорусинских организаций и активистов, настаивающих на этнической особости русинов, приносит свои плоды. Особенно показательна в этом плане ситуация в Словакии, где за период с 1991 по 2011 г. число идентифицирующих себя с русинами выросло почти вдвое (с 17 до 33 тыс.) при аналогичном сокращении числа определяющих себя как украинцев (с 13 до 7 тыс.)³².

³² Куриний 2012.

Идеологи современного русинского движения заявляют, что в течение XX в. этническая и национальная идентичность русинов не раз

становилась объектом манипуляции со стороны конкурирующих за регион Подкарпатья стран. Заигрывая с приверженцами идеи особости русинов и намекая на возможность автономии, эти страны стремились лишь привлечь на свою сторону местное население, не выдвигая сколько-нибудь последовательной программы решения русинского вопроса³³. Особенно негативно на развитии русинского национального движения сказалось установление в регионе коммунистических режимов, которые однозначно квалифицировали русинов как украинцев³⁴.

³³ *Magocsi 1995.*

³⁴ *Magocsi 2010—2011: 176.*

Объясняя подобную установку, канадский историк Пол Магочи указывает на ее политическую мотивированность. В случае Советского Союза трактовка русинов как украинцев оправдывала присоединение Закарпатья к СССР (1945 г.), в случае Польши — депортацию лемков вместе с украинцами в ходе операции «Висла» (1947 г.). За украинизацией Пряшевщины, инициированной словацкими элитами в 1952 г., стояло стремление гомогенизировать этническую картину региона, нивелировав русинский фактор³⁵. По мнению Всемирного конгресса русинов, чтобы загладить свою вину перед русинами, государства региона должны признать их отдельным народом³⁶.

³⁵ *Magocsi 1995.*

³⁶ *Magocsi 1995: 112.*

Законодательного признания своего субэтноса в качестве самостоятельного народа добиваются и некоторые кашубские активисты. В 2011 г. было создано объединение «Кашубское единство» (КЕ), настаивающее на том, что без такого признания кашубы не получают доступа к эффективным механизмам развития и защиты своей культурной идентичности. Как утверждает лидер КЕ Артур Яблонский, кашубов необходимо признать народом, чтобы в будущем они могли сознательно выстроить соответствующее сообщество³⁷. Несмотря на кажущуюся нелогичность подобного заявления, оно свидетельствует об осознании Яблонским различных измерений национального бытия: народ как юридический статус; народ как группа, обладающая культурным своеобразием и внутренней солидарностью; и, наконец, народ как целенаправленно конструируемое элитами политическое сообщество. При этом, дабы избежать обвинений в сепаратизме, Яблонски постоянно подчеркивает, что апеллирует к «культурному национализму», то есть к политически выраженному чувству принадлежности к конкретному культурному сообществу³⁸.

³⁷ *Jabłoński 2013: 3.*

³⁸ *Ibid.: 9.*

Иной позиции придерживается Кашубско-Поморское объединение (КПО) — главная кашубская организация, представляющая сообщество в региональной и общегосударственной политике Польши. Согласно лидерам КПО, кашубы органично сочетают в себе кашубскую этнокультурную и общепольскую политическую идентичности. По оценке Моника Мазурек, такая установка говорит об ориентации КПО на «баварскую» модель этнополитики (упор на двойственную идентичность), тогда как КЕ отдает предпочтение «каталонской»³⁹.

³⁹ *Mazurek 2014: 137.*

Идеологические разногласия относительно будущего кашубского сообщества нашли отражение в дискуссии, развернувшейся на страницах ведущего кашубского издания «*Pomierania*». Обосновывая свою точку зрения, согласно которой единственным эффективным механизмом

защиты кашубов является признание их отдельным народом и законодательное наделение статусом этнического меньшинства, Яблонский ссылается на то, что кашубы оказались обмануты в своих исторических ожиданиях и их согласие на вхождение кашубских земель в состав Польши обернулось не равноправным участием в построении государства вместе с поляками, а целенаправленной ассимиляцией⁴⁰. В ответ представители КПО упрекают Яблонского в непонимании двойственной идентичности сообщества и попытках навязать большинству кашубов свои радикальные взгляды как единственно верные⁴¹.

⁴⁰ *Jabłoński 2012: 5.*

⁴¹ *Olbracht Prondzyński 2012: 7.*

Подход КЕ к проблеме национального строительства во многом разделяют силезские активисты, группирующиеся вокруг Товарищества людей силезской национальности, Горносилезского совета и партии «Движение за автономию Силезии». Программы данных организаций включают в себя требования официального признания силезцев отдельным народом, предоставления силезскому языку статуса регионального и восстановления автономии региона.

Заключение

В отличие от многих этнических меньшинств ЦВЕ, сообщества русинов, кашубов и силезцев, обладая специфическим самосознанием и культурой, были лишены возможности самоопределения, а их статус в качестве неотъемлемой части иного, в последних двух случаях — титульного, народа принудительно формировался и закреплялся при помощи различных дискурсивных механизмов. Практики описания данных сообществ, связанные с приписыванием их к этническому большинству, долгое время позволяли государствам их проживания упрощать политический процесс, исключая из него акторов, претендующих на представление рассматриваемых групп. Возможность низведения этих групп до положения субэтносов обуславливалась рядом причин, в том числе относительно небольшой культурной дистанцией от этнического большинства, изначальной слабостью этнической/национальной идентичности местного (преимущественно сельского) населения, малочисленностью национальных агитаторов, неудачными тактиками построения отношений с государством и др. Очевидно, однако, что стратегия непризнания, бывшая вполне эффективной в недемократических режимах, с их крушением утратила свою действенность. В настоящее время взаимодействие между выступающими от имени соответствующих сообществ активистами и государствами во многом представляет собой торг, где первые решают, какие стратегии помогут им максимально быстро и полно достичь своих целей, а вторые взвешивают, на какие уступки можно пойти, чтобы сохранить целостность и интегрированность государствообразующих наций.

Включение сообществ, долгое время описывавшихся как этнографические группы, в борьбу за повышение собственного социального и правового статуса высвечивает несколько ключевых моментов современного этнополитического процесса. Во-первых, идеал этнической

гомогенности как основы стабильности национального государства демонстрирует свою нежизнеспособность, отмирая вместе с авторитарными порядками. Во-вторых, начало демократического транзита может сопровождаться неожиданной активизацией меньшинств, требующих расширения своих прав. Это касается прежде всего этнокультурных меньшинств, мнение которых становится все сложнее игнорировать. Традиционные заключения ученых, слабо учитывающие субъективную самооценку членов подобных групп, утрачивают релевантность. На смену директивно спускаемым сверху политическим решениям приходят диалог и поиски консенсуса. Это одновременно и вызов для демократии, и проверка успешности ее консолидации.

Библиография

- Барт Ф., ред. (2000) *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий*. М.: Новое издательство.
- Бромлей Ю.В. (1972) «Опыт типологизации этнических общностей» // *Советская этнография*, № 5: 61—81.
- Бромлей Ю.В. (1981) *Современные проблемы этнографии*. М.: Наука.
- Бромлей Ю.В. (1983) *Очерки теории этноса*. М.: Наука.
- Бромлей Ю.В. (1987) *Этносоциальные процессы: теория, история, современность*. М.: Наука.
- Дністрянський М. (2008) *Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики*. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка.
- Кимлика У. (2000) «Федерализм и сецессия: Восток и Запад» // *Ab Imperio*, № 3—4: 245—317.
- Кнолл В. (2017) «От литературных идиолектов к региональным литературным языкам (не только) в славянском мире» // Скорвид С., ред. *Миноритарные и региональные языки и культуры Славии*. М.: МИК: 11—44. URL: http://inslav.ru/sites/default/files/editions/slavia_minor_2017_0.pdf (проверено 26.08.2018).
- Крюков М.В. (1976) «Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза» // *Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник*. Вып. 6. М.: Наука: 42—63.
- Курінний О. (2012) *Історична чисельність та етнічна територія русинів-українців Словаччини в контексті самовизначення національної меншини (корінного народу)*. URL: http://ekmair.ukma.edu.ua/bitstream/handle/123456789/1991/Kurinniy_Istorychna%20chyselnist.pdf (проверено 26.08.2018).
- Лісова О. (2012) «Історіографія фольклорно-етнографічних досліджень українців Словаччини» // *Етнічна історія народів Європи*, № 2 (18): 28—36.
- Магочій П. (1995) «Русинське питання» // *Політична думка*, № 2—3 (6): 105—115.
- Тиводар М. (2004) *Етнологія*. Львів: Світ.

Тишков В.А., ред. (1994) *Народы России: Энциклопедия*. М.: Большая Российская энциклопедия.

Тишков В.А. (1999) «Субэтническая группа» // Тишков В.А., ред. *Народы и религии мира: Энциклопедия*. М.: Большая Российская энциклопедия: 899.

Тишков В.А. и Э.Ф.Кисриев. (2007) «Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана)» // *Этнографическое обозрение*, №5: 96—116.

Шевченко К. (2003) «Русинский вопрос в межвоенной Чехословакии» // *Славяноведение*, № 3: 3—17.

Bystron J. (1925) *Ugrupowania etniczne ludu polskiego*. Kraków: Orbis.

Jabłoński A. (2012) «Wspólnota kaszubska jest jedna» // *Pomerania: miesięcznik społeczno-kulturalny*, № 7—8 (456): 3—5.

Jabłoński A. (2013) *Kaszubi: Wspólnota narodowa*. Gdynia: Region.

Jasiewicz Z. (1980) «Tatarzy polscy. Grupa etniczna czy etnograficzna?» // *Lud*, no. 64: 145—157.

Kamocki J. (1992) «Zarys grup etnograficznych w Polsce» // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio Historia*, no. 17: 103—132.

Kamusella T. (2016) «Silesian: from Gwara to Language after 1989» // *Rocznik Polsko-Niemiecki*, vol. 24, no. 1: 78—132.

Lorenz F. (1934) «Zarys etnografii kaszubskiej» // Lorentz F., A. Fischer, and T. Lehr-Spławiński, eds. *Kaszubi, kultura ludowa i język*. Toruń, Warszawa: Instytut Popierania Nauki.

Magocsi P. (2010—2011) «The Fourth Rus': A New Reality in a New Europe» // *Journal of Ukrainian Studies*, vol. 35—36: 167—179. URL: http://shron1.chtyvo.org.ua/Magochii_Pavlo_Robert/The_Fourth_Rus_A_New_Reality_in_a_New_Europe_anhl.pdf (accessed 26.08.2018).

Mazurek M. (2014) «Tożsamość kaszubska — dziś (i jutro?)» // *Studia Humanistyczne*, no. 3: 131—143.

Myśliwiec M. (2013) «Ślōnskō godka — przaśny folklor czy język regionalny?» // *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*, no. 3 (15): 99—121.

Obrębski J. (1936) «Problem grup etnicznych w etnologii i jego socjologiczne ujęcie» // *Przegląd Socjologiczny*, no. 1—2: 77—95.

Olbracht Prondzyński C. (2012) «Uwagi do głosu Artura Jabłońskiego» // *Pomerania: miesięcznik społeczno-kulturalny*, no. 7—8 (456): 6—9.

Radłowska K. (2014) «Między grupą etnograficzną a narodem. Status Tatarów polskich w świetle dotychczasowych badań» // *Pogranicze: Studia Społeczne*, vol. XXIII: 155—166.

Reinfuss R. (1946) «Pogranicze krakowsko — góralskie w świetle dawnych i najnowszych badań etnograficznych» // *Lud*, no. 36: 222—255.

Švecová S. (1991) «Etnografické skupiny na Slovensku, príspevok ku klasifikácii» // *Český lid*, vol. 78, no. 2: 128—133.

Szymikowski D. (2008) «Kwestia kaszubska w pracach sejmowej Komisji Mniejszości Narodowych i Etnicznych (1989—2005)» // Pałys P., ed. *Mniejszości narodowe i etniczne w Europie Środkowej*. Opole: Pro Lusatia: 12—25.

πολιτικά

O.D.Vasyukov
**NEW MINORITIES
 OR UNRECOGNIZED PEOPLES?
 EXPERIENCE OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE**

Oleksandr D. Vasyukov — Ph.D. Candidate at the Graduate School of Political Sciences, National Research University *Higher School of Economics* (Saint Petersburg). Email: avasyukov@hse.ru.

Abstract. The article presents the results of the study of ethno-political processes unfolding in Central and Eastern Europe (CEE), with the focus on the three largest local communities that succeeded in obtaining recognition as ethnic or national minorities — Ruthenians, Kashubians and Silesians. Having considered the meaning of the term “subethnos” and its equivalents established in the CEE countries, O.Vasyukov describes the legal status of these communities and analyzes in detail the discourse they produce (aimed at securing the status of individual peoples) and strategies that are used to solve this task, emphasizing the role of the language “building”.

The study shows that the concept of subethnos/ethnographic group formed within the framework of academic science was actively involved in challenging ethnic communities’ claims for recognition. The definition of such communities as subethnos should be qualified as a deliberate strategy aimed at symbolically homogenizing the ethnic picture of a country and simplifying the political process by excluding actors claiming to represent the relevant groups. However, with the collapse of the non-democratic regimes in the region, the ideal of ethnic homogeneity as the basis for the stability of the national state proved not viable. Over the past decades, the region witnessed a decent number of organizations that are fighting to improve the social and legal status of their groups. At present, the interaction between activists acting on behalf of these groups and the state authorities can be viewed as bargaining, where activists decide which strategies will help them to achieve their goals in the most optimal way, and state authorities weigh pros and cons of possible concessions that will allow them to preserve integrity and cohesion of the state-forming nations.

Keywords: subethnos, ethnographic group, ethnic (national) minority, Central and Eastern Europe, ethnic identity

References

Barth F., ed. (2000) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naja organizatsija kul'turnykh razlichij* [Ethnic Groups and Boundaries]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Bromlei Yu.V. (1972) “Opyt tipologizatsii etnicheskikh obshchnostej” [The Experience of Ethnic Communities’ Typology] // *Sovetskaja etnografija* [Soviet Ethnography], no. 5: 61–81. (In Russ.)

Bromlei Yu.V. (1981) *Sovremennye problemy etnografii* [Modern Problems of Ethnography]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Bromlei Yu.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essay on the Theory of Ethnos]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Bromlei Yu.V. (1987) *Etnosotsial’nye protsessy: teorija, istorija, sovremennost’* [Ethno-Social Processes: Theory, History, Current State]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Bystron J. (1925) *Ugrupowania etniczne ludu polskiego*. Kraków: Orbis.

Dnistrjans’kij M. (2008) *Etnopolitichna geografija Ukrainy: problemy teorii, metodologii, praktiki* [Ethnic Geography of Ukraine: Problems of Theory, Methodology, and Practice]. Lviv: Vydavnychij tsentr LNU imeni Ivana Franka. (In Ukr.)

Jabłoński A. (2012) “Wspólnota kaszubska jest jedna” // *Pomerania: miesięcznik społeczno-kulturalny*, № 7–8 (456): 3–5.

Jabłoński A. (2013) *Kaszubi: Wspólnota narodowa*. Gdynia: Region.

Jasiewicz Z. (1980) “Tatarzy polscy. Grupa etniczna czy etnograficzna?” // *Lud*, no. 64: 145–157.

Kamocki J. (1992) “Zarys grup etnograficznych w Polsce” // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio Historia*, no. 17: 103–132.

Kamusella T. (2016) “Silesian: from Gwara to Language after 1989” // *Rocznik Polsko-Niemiecki*, vol. 24, no. 1: 78–132.

Knoll V. (2017) “Ot literaturnykh idiolektov k regional’nym literaturnym jazykam (ne tol’ko) v slavjanskom mire” [From Literary Idiolect to Regional Literary Language in Slavic (and Not Only Slavic) World] // Skorvid S., ed. *Minoritarnye i regional’nye jazyki i kul’tury Slavii* [Minority and Regional Languages and Cultures in Slavia]. Moscow: MIK: 11–44. URL: http://inslav.ru/sites/default/files/editions/slavia_minor_2017_0.pdf (accessed 26.08.2018). (In Russ.)

Kriukov M. “Evoljutsija etnicheskogo samosoznaniya i problema etnogeneza” [Evolution of Ethnic Self-Consciousness and the Problem of Ethnogenesis] // *Rasy i narody: Sovremennye etnicheskie i racovye problemy. Ezhegodnik* [Races and Peoples: Modern Ethnic and Race Problems. The Yearbook]. Issue 6. Moscow: Nauka: 42–63. (In Russ.)

Kurinyj O. (2012) *Istorichna chisel’nist’ ta etnichna territorija rusyniv-ukrainsiv Slovachchyny v konteksti samovyznachennja natsiona’noj menshyny (korinnogo narodu)* [Historical Population and Ethnic Territory of Rusyns-Ukrainians of Slovakia in the Context of National Minority (Indigenous People) Self-Determination]. URL: http://ekmair.ukma.edu.ua/bitstream/handle/123456789/1991/Kurinniy_Istorychna%20chyselnist.pdf (accessed 26.08.2018). (In Ukr.)

Kymlicka W. (2000) “Federalizm i setsessija: Vostok i Zapad” [Federalism and Secession: the East and the West] // *Ab Imperio*, no. 3–4: 245–317. (In Russ.)

- Lisova O. (2012) "Istoriografija fol'klorno-etnograficznych doslidzhen' ukraincev Slovachchyny" [Historiography of the Ukrainians of Slovakia Folklore and Ethnographic Researches] // *Etnichna istorija narodov Evropy* [Ethnic History of the Peoples of Europe], no. 2 (18): 28–36. (In Ukr.)
- Lorenz F. (1934) "Zarys etnografii kaszubskiej" // Lorentz F., A. Fischer, and T. Lehr-Splawiński, eds. *Kaszubi, kultura ludowa i język. Toruń*, Warszawa: Instytut Popierania Nauki.
- Magocsi P. (1995) "Rusins'ke pitannia" [Ruthenian Question] // *Politichna dumka* [Political Thought], no. 2–3 (6): 105–115. (In Ukr.)
- Magocsi P. (2010–2011) "The Fourth Rus': A New Reality in a New Europe" // *Journal of Ukrainian Studies*, vol. 35–36: 167–179. URL: http://shron1.chtyvo.org.ua/Magochii_Pavlo_Robert/The_Fourth_Rus_A_New_Reality_in_a_New_Europe_anhl.pdf (accessed 26.08.2018).
- Mazurek M. (2014) "Tożsamość kaszubska — dziś (i jutro?)" // *Studia Humanistyczne*, no. 3: 131–143.
- Myśliwiec M. (2013) "Ślōnskō godka — przaśny folklor czy język regionalny?" // *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*, no. 3 (15): 99–121.
- Obrebski J. (1936) "Problem grup etnicznych w etnologii i jego socjologiczne ujęcie" // *Przegląd Socjologiczny*, no. 1–2: 77–95.
- Olbracht Prondzyński C. (2012) "Uwagi do głosu Artura Jabłońskiego" // *Pomerania: miesięcznik społeczno-kulturalny*, no. 7–8 (456): 6–9.
- Radłowska K. (2014) "Między grupą etnograficzną a narodem. Status Tatarów polskich w świetle dotychczasowych badań" // *Pogranicze: Studia Społeczne*, vol. XXIII: 155–166.
- Reinfuss R. (1946) "Pogranicze krakowsko — góralskie w świetle dawnych i najnowszych badań etnograficznych" // *Lud*, no. 36: 222–255.
- Shevchenko K. (2003) "Rusinskij vopros v mezhvoennoj Chekhoslovakii" [The Ruthenian Question in Interwar Czechoslovakia] // *Slavjanovedenie* [Slavic Studies], no. 3: 3–17. (In Russ.)
- Švecová S. (1991) "Etnografické skupiny na Slovensku, príspevok ku klasifikácii" // *Český lid*, vol. 78, no. 2: 128–133.
- Szymikowski D. (2008) "Kwestia kaszubska w pracach sejmowej Komisji Mniejszości Narodowych i Etnicznych (1989–2005)" // Pałys P., ed. *Mniejszości narodowe i etniczne w Europie Środkowej*. Opole: Pro Lusatia: 12–25.
- Tishkov V.A., ed. (1994) *Narody Rossii: Entsiklopedija* [The Peoples of Russia: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja entsiklopedija. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1999) "Sub-Ethnic Group" // Tishkov V.A., ed. *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [The Peoples and Religions of the World: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja entsiklopedija: 899. (In Russ.)
- Tishkov V.A. and E.F.Kisriev. (2007) "Mnozhestvennye identichnosti mezhdu teoriej i politikoj (primer Dagestana)" [Multiple Identities between Theory and Policy (The Case of Dagestan)] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 5: 96–116. (In Russ.)
- Tivodar M. (2004) *Etnologija* [Ethnology]. Lviv: Svit. (In Ukr.)